

Учитывая необходимость приготовить еду для продажи, Цинь Ся выложил целых четыре лян серебра и отправился в кузницу, чтобы заказать у мастера железную плиту с пометкой «срочно». Кузнец трудился без устали, и в итоге работа была завершена как раз перед началом ярмарки.

Наконец наступил день ярмарки.

Цинь Ся и Юй Цзюэцзюэ встали ни свет ни заря, поднимаясь с кровати почти в полной темноте и на ощупь надевая одежду. Собравшись и одевшись, Цинь Ся вышел, чтобы вскипятить воду, а Юй Цзюэцзюэ, потирая сонные глаза, аккуратно сложил постельное белье. Грелка, лежавшая в постели, была старой — вода в ней за ночь успела остыть. Однако выливать ее было жалко: она оставалась чистой и прекрасно подходила для утреннего умывания, если разбавить горячей водой.

С заспанными лицами оба вышли в главную комнату, чтобы умыться и почистить зубы. Юй Цзюэцзюэ ловко собрал свои волосы в узел, закрепив их деревянной шпилькой, а затем заметил, как Цинь Ся, склонившись над тазом с водой, безуспешно пытается уложить свои волосы в прическу. Несмотря на старания, несколько прядей все равно торчали в стороны.

Видя, что на лице Цинь Ся все больше проступает раздражение, Юй Цзюэцзюэ предложил:

— Муж, позволь, я тебе помогу.

Цинь Ся, признав свое поражение в борьбе с длинными волосами древних, сел и доверил заботу о своей прическе Юй Цзюэцзюэ.

У того дело пошло на удивление быстро: умелые пальцы в два счета собрали волосы в аккуратный пучок, а мокрая расческа сгладила мелкие выбившиеся пряди. Не осталось ни одного непослушного волоска.

Завтрак был простым, но питательным. На столе стояли вчерашние паровые маньтоу, обжаренные в яичной смеси, а также каша из проса и холодная закуска из квашеных листьев сюнлихун. Несмотря на скромность трапезы, она наполнила их теплом и бодростью.

Сразу после еды оба с энтузиазмом начали собирать все необходимое для торговли. Пока они укладывали вещи, за окнами уже начало светать.

Повязав теплые платки и надев ушанки, Цинь Ся взялся за тачку, а Юй Цзюэцзюэ поддерживал ее сбоку. Деревянные колеса скрипели по грунтовой дороге переулка, постепенно унося их к городской площади.

Храм Вэньхуа, хоть и не был древней обителью, славился своей оживленной атмосферой. Храм, построенный всего несколько десятилетий назад, привлекал множество паломников, и ярмарки здесь всегда кипели жизнью.

Двигаясь на юг города, где находился храм, они встретили немало таких же торговцев, кативших тележки или несущих товары на коромыслах. Среди них были и горожане, и крестьяне из соседних деревень.

Время было еще раннее, посетители ярмарки пока не успели заполнить площадь, а торговцы уже торопились занять лучшие места.

— Брат Ся! Мы здесь!

Цинь Ся как раз оглядывался по сторонам, когда заметил вдали прыгающего от нетерпения Лю Доуцзы, который махал ему рукой с обочины улицы. Подойдя ближе, он узнал, что Лю Доуцзы заранее занял для них место на ярмарке и все это время его охранял. У его ног стояли два больших деревянных ящика, наполненных свежим тофу.

— Здесь тихо, ветра нет, а проходящих людей много. Я обошел ярмарку дважды и решил, что это лучшее место, — с гордостью заявил Лю Доуцзы.

Семья Лю владела постоянной точкой для торговли тофу на рынке в уезде, неподалеку от ярмарки. Однако в самом храме покупка свежего тофу была редкостью, поэтому его родители не считали нужным участвовать в этом шумном мероприятии.

Лишь Фан Жун, услышав, что Цинь Ся сегодня выходит с лотком, с утра сделала дополнительно два листа тофу и отправила Лю Доуцзы доставить их.

— Место действительно отличное. Спасибо тебе большое, — поблагодарил его Цинь Ся.

— Подумаешь, пустяк! Брат Ся, к чему такая вежливость? — махнул рукой Лю Доуцзы.

Ему казалось, что нынешний Цинь Ся стал слишком «церемонным». Конечно, это неплохо, но было непривычно.

Цинь Ся припарковал тележку, выгрузил плетеные корзины, и они втроем принялись раскладывать товары, оформляя место. Три баночки с приправами выстроились в ряд — в одной находился соус, в другой молотый перец чили, в третьей — нарезанный зеленый лук.

Перец чили был приготовлен по секретному рецепту Цинь Ся, его вкус отличался от того, что продавался на рынке. Тем, кто любил остроту, предлагалось добавить немного этой приправы к тофу. Над прилавком была натянута бумажная зонт-палатка, которая защищала и от дождя, и от пыли.

Многие торговцы украшали свои лотки яркими зонтами для привлечения внимания, но Цинь Ся выбрал простой вариант: он был всего лишь продавцом еды, и если бы купил что-то слишком нарядное, его только раздражали бы пятна масла на красивом полотне.

— Муж, брат Лю, выпейте имбирного чая, чтобы согреться, — сказал Юй Цзюцзюэ, видя, что все почти готово.

Он достал из принесенного из дома чайник чая, в котором еще сохранялось тепло, и разлил его по трем чашкам. Имбирный чай был приготовлен с добавлением красных фиников, и пряный вкус старого имбиря приятно дополнялся сладким ароматом фиников. Лю Доуцзы сделал небольшой глоток и почувствовал, как по всему телу разливается тепло, а кровь начинает быстрее циркулировать.

— Этот чай совсем не острый! Брат Ся, как ты его приготовил? Надо будет попросить мою мать научиться, — с удивлением воскликнул он.

Цинь Ся ответил:

— На самом деле все просто. Многие варят имбирный чай, закладывая имбирь в холодную воду. Если класть его сразу в кипяток, острота становится заметно меньше.

Сказав это, он тоже сделал небольшой глоток.

Цинь Ся, если честно, не был большим любителем имбирного чая. Сегодняшний чай он сварил исключительно ради Юй Цзюцзюэ, у которого еще не зажили внутренние травмы. Чтобы сделать напиток приятнее на вкус, он добавил в него красные финики без косточек.

Увидев, как Юй Цзюцзюэ допивает свою чашку, и его щеки становятся ярко-розовыми, Цинь Ся неожиданно ощутил прилив хорошего настроения.

Согревшись чаем, тело стало подвижнее, и руки с ногами больше не казались такими скованными. Пока ярмарка еще не заполнилась людьми, Цинь Ся протер разделочную доску и начал нарезать тофу, а Юй Цзюцзюэ складывал подготовленные коробочки из промасленной бумаги.

В отличие от других торговцев, которые подкладывали обычные листы бумаги под еду, Цинь Ся придумал способ складывать бумагу в виде коробочек. Последние пару вечеров они с Юй Цзюцзюэ засиживались допоздна, занимаясь этим нехитрым делом. Эти бумажные коробочки получались ровными, как миниатюрные открытые миски, с прочным дном, которое не пропускало жидкость.

Работа спорилась, каждый занимался своим делом, из-за чего лишний Лю Доуцзы выглядел несколько растерянным.

Цинь Ся с удивлением спросил:

— Ты не собираешься домой?

Лю Доуцзы потер руки и смущенно ответил:

— Моя мать сказала, что на ярмарке сегодня покупателей немного, велела остаться и помочь вам.

Правда, она явно не ожидала, что Цинь Ся придет с Юй Цзюцзюэ. Теперь, глядя на их крошечный прилавок, становилось очевидно, что трое человек — это перебор.

Однако Цинь Ся догадался, зачем Фан Жун, мать Лю Доуцзы, послала сына. Фан Жун, как старшая и хорошо знающая Цинь Ся с самого детства, наверняка подозревала, что внезапное желание заняться торговлей могло быть просто порывом. К тому же, Цинь Ся в прошлом был известен своей вспыльчивостью и склонностью к ссорам на улице.

Видимо, именно поэтому Фан Жун решила подстраховаться, отправив Лю Доуцзы. Если вдруг что-то пойдет не так, он сможет сгладить конфликт.

Цинь Ся спокойно сказал:

— Если хочешь, оставайся. Когда начнем, ты будешь нарезать тофу, я — жарить, а А-Цзю займется деньгами.

Лю Доуцзы согласился, но в душе немного сомневался. Он уже пробовал жареный тофу Цинь Ся и знал, что его вкус отменный, но вот насколько хорошо пойдет торговля — это еще большой вопрос.

Если Цинь Ся потерпит убытки, и его мать узнает, что идея выйти на рынок родилась из неосторожно оброненной фразы Лю Доуцзы, то его уши наверняка окажутся крепко оттянутыми. С такими мыслями Лю Доуцзы уже хотел отправиться в храм Вэньхуа и зажечь благовония, моля о том, чтобы дела у Цинь Ся сегодня шли успешно.

К часу Сы поток людей на ярмарке заметно увеличился. Продавцы, давно занимавшие свои места, оживились и начали наперебой зазывать покупателей:

— Плетеные корзины ручной работы! Прочные и долговечные!

— Маленькие вонтоны на костном бульоне, вкуснейшие вонтоны!

— Слоеные лепешки с маслом! Две вэнь за штуку!

Лю Доуцзы, привыкший с ранних лет сопровождать мать Фан Жун на торговле, был мастерски искусен в зазывании клиентов. Видя, что его руки без дела, он с энтузиазмом предложил:

— Брат Ся, а давай я позову людей? Скажу, мол, «Жареный тофу, всего пять вэнь за порцию!»

Однако Цинь Ся лишь покачал головой:

— Пока не торопись звать.

В вопросе привлечения внимания клиентов он полагался не на громкие крики, а на более действенный способ. На дворе был зимний месяц, и холод становился с каждым днем все сильнее. Если бы не необходимость зарабатывать на жизнь, мало кто захотел бы покидать дом в мороз. Лишь ярмарка могла заставить людей выбраться наружу. Но и она уже не удивляла: все было привычно, ничего нового.

Например, развлечения: тут тебе и «сухопутные лодки», и кукольные представления, и дрессированные обезьяны. А для тех, кто проголодался, выбор еды тоже был ограничен: любители горячего могли выпить бульон из баранины или вонтоны, предпочитающие сытные перекусы покупали горячие лепешки или булочки. Детям, тянувшимся к сладкому, предлагали тангулу, рисовые пирожные или кунжутные конфеты.

Большинство гуляющих ходили туда-сюда, сжимая в ладонях медные монеты, которые уже согрелись теплом рук, но так и не находя, на что их потратить.

И вдруг в воздухе разнесся незнакомый, но невероятно аппетитный аромат.

— Что это за запах? Как вкусно пахнет!

— Пахнет как соевый соус... Может, кто-то мясо тушит?

На улице, где располагались рестораны и закусочные, такой запах не был редкостью. Люди, почувствовав аромат, начинали слюнки глотать, предполагая, что какая-то кухня только что выпустила свежую порцию еды.

Но вскоре те, кто шел впереди, обнаружили, что источником запаха была вовсе не кухня ресторана, а маленький ларек, который они видели впервые.

Особо нетерпеливый любитель вкусной еды уже бросился вперед и, подойдя к прилавку, воскликнул:

— Босс, что это за еда, и сколько стоит порция?

<http://bllate.org/book/13601/1206010>